

1

Доктор курил нервно. Затягивался глубоко. Его рука с сигаретой подрагивала, что для оперирующего хирурга нонсенс — к такому страшно на стол попасть, нечаянно заденет не тот орган и... Впрочем, уже задел. На его зелено-синем костюме багровые пятна говорили сами за себя, потому в коридоре частной клиники долго царило разочарование, выраженное в молчании. Только Родион шагал взад-вперед, за ним доктор следил опасливо, украдкой, опершись о кафельную стену спиной. Как натура чуткая, он ощутил биотоки напротив, поднял голову — на него в упор смотрел разъяренным быком амбал по имени Гена, который, поймав на себе молящий взгляд доктора, бросил упрек:

— Ты ж говорил, операция пустяковая.

— Это так, — проямлил доктор, у него пересохло во рту, шевелить языком было чрезвычайно трудно. — Но у нее редчайшая врожденная патология сонных артерий, перегибы и петли, которые проходят в непосредственной близости к гортани. И главное, на ее самочувствии это ни-

как не отражалось, что является большой редкостью, а при подобных патологиях прежде всего страдает мозг...

— Но ты же говорил! — процедил Гена, стиснув зубы.

Это тупорылое творение неизвестного происхождения ничего не желало понимать, доктор обратился к Родиону, главному заказчику:

— Она не знала о своей патологии, а я не предполагал, что первый же разрез вскрыет артерию. Случай один на миллион! Поймите, я ничего не мог сделать, ничего... И никто не смог бы... Кровь ударила фонтаном, как из шланга, конечно, можно заткнуть фонтан пальцем, а дальше надо шить! Но как шить, если невозможно убрать палец? Артериальное кровотечение — самое страшное явление, жизнь утекает сквозь пальцы хирурга в прямом смысле. Здесь не справилась бы и бригада... Это страшно...

Родион остановился, повернувшись к врачу. О, если бы взгляд умел убивать, доктор уже лежал бы бездыханным на полу новой клиники, куда он так стремился попасть, потому что творческих возможностей здесь ему виделось больше. Хирурга нельзя назвать трусом, но Родион, упакованный в дорогие вещи, внушал животный страх еще при первой встрече, когда договаривались о подпольной и высокооплачиваемой халтурке, хотя заказчик не старался выглядеть монстром. Доктор, имея, мягко говоря, усредненную внешность, тогда слегка позавидовал ему. Ведь наверняка этот мужчина, которому лет пример-

но столько же, сколько ему — около сорока, — пользуется признанием у женщин, богат, обладает властью. Да и сейчас он держался достойно: его хладнокровию можно позавидовать, несмотря на метания по коридору, но, видимо, таким способом Родион успокаивал себя. А не проходило ощущение: испепелит, уничтожит, сожрет и не подавится, впрочем, сейчас хирурга выбила смерть, о ней он думал. Ожидаемого упрека от Родиона доктор не услышал, всего лишь вопрос:

— Где она?

— В нашей клинике морг еще не обустроен, — вяло ответил доктор, — открытие будет только через три недели, идет завоз оборуды... — Но, увидев холодные глаза Родиона, сглотнул и ответил прямо: — Мы определили ее в самое холодное помещение. Хотите взглянуть?

— Нет. Кто знает о ней?

— Я и санитар... он мне помогал... потом мы вместе перевозили ее... — Наконец его прорвало, ужас перед обстоятельствами вырвался наружу: — Поймите, я теперь не знаю, что делать. Мне же отвечать придется... объяснить, откуда труп... Разумеется, о трупе должны позаботиться те, кто привез девушку.

— Санитар надежный? — перебил Родион.

Доктор неуверенно кивнул, опустив глаза. Собственно, кто способен поручиться за чужого человека, если в себе не совсем уверен? Родион натянул нижнюю губу на верхнюю, возвел очи к чистому потолку, но думал недолго:

— Через пару часов мы заберем ее.

Не прощаясь, он твердым, уверенным шагом двинул к выходу, за ним Гена, по привычке озираясь по сторонам, заглядывая в помещения с приоткрытыми дверьми. Из дверного проема по пути следования выглянул грузный санитар, проводив их равнодушным взглядом.

Гена чуточку отставал от Родиона, благодаря этому были лучше слышны слова, брошенные прямо в ухо тихим голосом:

— Роди, что будем делать?

— Сначала избавимся от трупа.

— А с доком как быть? У него ж на роже написано: всегда готов к предательству.

— Он еще пригодится. Поехали, место выберем.

Доктор не отрывал от их спин панического взгляда, думая про себя: «Зачем я влез в это? Один на миллион случай — и попался мне! Ой, дурак, погорел на жадности...»

Смогли шаги, казалось, ночь поглотила все звуки, только сердце отстукивало тревожно, с перебойми, оно замирало и вновь толкалось. Доктор действительно попал в переplet, если эти господа не приедут за девушкой, ему хоть вешайся. Не верилось, что так по-идиотски все вышло, потому его ноги сами поплелись к ней.

Он открыл дверь, на стене нащупал выключатель — загорелась лампочка под потолком, которую еще не успели «одеть» в плафон. Доктор подошел к телу, накрытому простыней, постоял с минуту и стащил с головы ткань.

Молодая, красивая и — так глупо закончилась ее жизнь. Особенно волосы роскошны, целая

копна белых прямых прядей рассыпалась по каталке. Казалось, вот-вот девушка откроет глаза, и кошмар закончится...

Она распахнула глаза, тараша их в темноту. Но секунду спустя облегченно выдохнула, села и тряхнула головой, прогоняя беспокойство. Теперь так просто не уснешь. Светлана отбросила одеяло и спустила ноги с кровати, шаря ступнями по полу в поисках тапочек. На кухне она налила воды в стакан, выпила. Вода вернула спокойствие, жаль, не действует как снотворное. Возвращаясь к себе, девушка увидела полоску света на полу, приоткрыла дверь шире и заглянула в комнату. Бабушка, полулежа на подушках, читала.

— Буся, ты почему не спишь? — Светлана вошла.

Валентина Петровна, оторвавшись от книги и сдвинув очки на лоб, удивленно произнесла:

— У меня бессонница, это старческое. А ты чего бродишь?

Светлана забралась с ногами на кровать, укрыв колени одеялом, поделилась своей напастью:

— Второй раз приснился жуткий сон: будто меня убивают, представляешь? И никого рядом, кто помог бы, нет. Так страшно...

— А, это к перемене погоды или... Нет, рвется к тебе кто-то.

— Рвется? Тогда это Захар. Он скоро приедет. Захар приедет, а я улечу... Но потом прилечу!

— Вот тебе и сон в руку.

— А осадок неприятный. И ощущение осталось, будто чего-то не хватает... будто у меня что-то вырвано...

— Это всего лишь сон, Светочка. Ты же не суеверная.

— Я? Нет, конечно. — Светлана прилегла рядом. — Буся, ты читай, читай, я полежу с тобой немножко и пойду к себе.

Свет от фар нырял и поднимался, освещая густой лес, на этих «американских горках», и внедорожнику пришлось потрудиться, иногда колеса попросту буксовали, но место выбрали наиболее глухое и удаленное от людей. Гена выруливал, чтобы проехать между кустарниками и деревьями, несколько раз останавливался, рассматривая ориентиры, наконец заглушил мотор.

Весенняя ночь встретила влажным теплом, хотя в лесу всегда прохладно, запахами земли и травы, которые будто чья-то щедрая рука растворила в воздухе. Никого. Даже легкого ветерка не было. Но единственный свидетель все-таки наблюдал за полуночниками с заоблачных высот — луна. К счастью, круглая подружка грабителей и преступников глухонемая.

Марат открыл багажник и выдал Гене, Жорик, Тарасу по лопате, взял орудие копателей сам, все четверо дружно вонзились в затвердевшую из-за обильной травы землю. Ну, перво-наперво надо снять верхний слой — дальше работа пойдет слаженной. Родион закурил, глядя на луну, освещаемые ею верхушки деревьев, но от лирики

и любования природой был весьма далек. В настоящий момент его волновали личные проблемы, отягощенные внезапной смертью под ножом хирурга. Гена словно угадал его мысли, впрочем, проблемы касались каждого из пятерки:

— Надо же, все на мази было — и вдруг...

Высказанное вслух кольнуло Родиона в грудь, словно насекомое ужалило, в сердцах он отбросил сигарету — сколько же можно курить? В его команде люди не только преданные, но и с большим багажом опыта и практики, посему Марат сделал ему замечание:

— Э, Роди, окурки не бросай. Найдут их, следом найдут ее, потом тебя.

— Не вижу связи, но подчиняюсь. — Родион быстро поднял тлеющую сигарету, загасил ее о колесо. — А куда девать?

— Да хоть в карман, потом с ней зароем, а лучше дома в пепельницу брось, так будет надежней.

Гена отхлебнул из фляги, передал ее Марату и вернулся к теме:

— У тебя две недели, Роди, всего две недели!

— Знаю, — буркнул тот. — Будем искать новую.

Вряд ли Родион верил в положительный результат, никто в это не верил, а высказался опять Гена:

— Времени, Роди, в обрез, понадобится пластика, без нее не обойдешься. Но это время, которого уже сейчас нет.

— Главное, найти максимально похожую, — проговорил Родион, — а там что-нибудь придумаем.

— Да что тут придумаешь? — поддержал Марат Гену. — Похожая — это не копия, а нужна точная копия, иначе ни хрена не получится.

— Двойников на свете больше, чем мы себе представляем, — возразил Тарас, он — подпевала Родиону, данная черта не всем нравится, что подтвердил Марат, наехав на него:

— Похожих на сто процентов людей не существует! Слишком много должно быть совпадений: рост, возраст, фигура, глаза, черты лица, даже длина ног... да что там ног — длина шеи! Однажды повезло, а сколько пришлось потрудиться над исправлениями... Сколько денег бухнули!

— Ты везением называешь труп в багажнике? — заметил Жорик.

— Это судьба козу подстроила, — сказал, сплюнув в сторону, Гена. — Долбанула по нам, потому что сволочь.

— Будем искать, — заладил Родион. — Будем искать... другого выхода нет.

— Почему же, — хмыкнул Жорик, однако идею подал осторожно: — Выход есть: убраться подальше, пока не поздно.

Конечно, этот простой, как инфузория, выход приходил в головы всем без исключений, только от него отмахивались, ибо окончательные решения принимает Родион. Впрочем, в данной ситуации нет главных, она прижала каждого из пятерки.

— Вот тогда нам всем лучше заранее снять мерки и заказать гробы, — отверг идею Гена.

— Убраться? — задумчиво произнес Родион. — Генка прав, черт возьми, гробы будут на-

шими. А четыре с половиной года куда? Второго такого шанса не будет, легче двойника найти. И мы будем искать!

Но не сказал — найдем. Значит, сам в панике, сам сомневался.

Бабушка уснула, Светлана забрала у нее книгу, сняла очки и положила на тумбочку рядом с кроватью. Выскользнув из комнаты, она вернулась на кухню и выпила еще воды, посмотрела в окно. Луна... круглая и яркая, с огромным светящимся ореолом вокруг. Наверное, полнолуние виновато в том, что Светлане не спится, а если спится, то всякая дрянь снится.

В своей комнате девушка упала спиной на кровать, прикрыла веки и ждала. Молодые люди засыпают быстро, как уверяла бабушка, собственно, и Светлана с бессонницей незнакома, но сон убегал от нее. Она вспомнила способ заснуть, начала считать про себя:

— Один... два... три... четыре...

Помимо цифр, думала о Захаре и невольно улыбалась. Сначала он уехал на сборы, сейчас проходят соревнования, звонит регулярно, правда, об успехах или поражениях молчит. Вот кто суеверный — Захарушка!

— Девятьсот тридцать три... Девятьсот тридцать четыре... девятьсот...

Они встречаются год, мир стал другим — объемней, радостней, и теперь кажется странным: как до знакомства они жили друг без друга? Бывает, Захар звонит и произносит всего одно слово

«Светлячок», а потом паузу выдерживает. Слова «люблю» еще не было сказано, но оно есть, читается в глазах, ощущается на губах, а хочется его услышать и сказать самой. Правда, в данном вопросе Светлана уступит первенство Захару, женщине объясняться первой... нет уж.

— Две тысячи сто пятьдесят... Две тысячи сто пятьдесят...

И... провал.

Небо тронула болезненная бледность, теперь начнет стремительно светать, однако успели. Лентяев судьба наказывает жестоко, случается, трупы словно сами пробираются к поверхности, после чего их легко находят любители природы. Чтобы исключить всяческие происки рока, не поленились и выкопали яму очень глубокую.

Из багажного отделения вытащили труп в черном мешке, кинули его в яму, комья земли полетели в черную дыру, которая довольно быстро заполнилась рыхлой землей. Тарас с Жориком под руководством Марата уложили пласты земли с травой, срезанные в самом начале, сровняв поверхность с ландшафтом, теперь импровизированную могилу даже сами копатели не найдут. Закинули лопаты в багажное отделение, расселись, а затем передавали бутылку коньяка друг другу, отхлебывая из нее по глотку. Взревел мотор...

За руль сел Родион, ведь ребята устали — непривычный труд забирает много сил, к тому же они выпили. Дорога до города прошла словно полет птицы, но и тут Марат заставил его остано-

виться, достал скребок и повозил им по колесам, счищая лесную грязь. Вернувшись в салон, со знанием дела заявил:

— Роди, первым делом машину отгони на мойку, а сейчас, когда приедем, оставь ее у ворот.

— На фига такие сложности? — вяло поинтересовался Гена.

— Ну и дуб ты, Генаша, — хохотнул Марат. — На колесах земли из того района не должно быть даже теоретически.

— Да хрен могилу найдут, — возразил и Жорик.

— Еще один «умный», — огрызнулся Марат. — Повторяю для тех, у кого дефицит серого вещества: ни микрона земли из леса не должно попасть на территорию дома. У нас и так есть слабое звено: док, санитар. Лично у меня они оба не вызывают доверия.

— У дока своя статья — убийство по неосторожности, — пробубнил грамотный Тарас. — У санитара — соучастие. Не-а, не побегут стучать.

— Еще как побегут, — рассуждал сам с собой Гена. — Док мне тоже не показался, трухлявый, клянусь.

— Я сказал — остальным исполнять! — рявкнул Марат.

— А че ты командуешь? — беззлобно спросил Тарас.

— Потому что я самый умный, — отбрил Марат и поднял руку: — Все, закончили бакланить, спать пора.

Родион не принимал участия в перепалке, нервы и так вот-вот порвутся, тем не менее по со-